
НА ГРАНИ ВЕКОВ

З. В. КЛИМЕНКО

ГЛОБАЛЬНОЕ УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО (НА ПРИМЕРЕ БЫВШЕЙ ЮГОСЛАВИИ)

Пространство бывшей Югославии в полной мере демонстрирует глобальные изменения, произошедшие в мире в течение последних тридцати лет. Судьбы национальных государств, возникших на территории бывшей СФРЮ, складываются по-разному, от в целом благополучной до чрезвычайно драматической. Обретение для кого-то желанной, а для кого-то и неожиданной независимости выявило общую тенденцию – однозначное сужение рамок национального и государственного суверенитета. Самому крупному осколку некогда единого югославянского государства еще предстоит обрести и свои новые границы, и свою идентичность. Поиски своего национального пути в историческом прошлом, в культурно-религиозной традиции или же в общеевропейском будущем еще не окончены. На устойчивость развития Балканского региона влияют факторы как геополитического порядка (сохранение высокой степени конфликтности), так и экологические (последствия бомбардировок с использованием боеприпасов с обедненным ураном, несущих ущерб для окружающей среды и здоровья проживающего на этих территориях населения).

Ключевые слова: государства бывшей Югославии, Балканы, сербы, конфликт, национальные отношения, использование традиции, политическая трансформация.

За прошедшие тридцать лет на территории бывшей советской зоны влияния в Восточной Европе произошли кардинальные изменения. Для самих европейских «стран народной демократии» прежнее существование в рамках советского блока было весьма выгодным. Они получили доступ к огромному рынку сбыта для продукции предприятий перерабатывающих отраслей своей промышленности

и сельского хозяйства, а также – к дешевым ресурсам из Советского Союза. Но на рубеже 1980–1990-х гг. СССР не только утратил политический и экономический контроль над этими странами, но и распался сам. Многие из этих стран уже давно являются членами военного блока НАТО, бывшего стратегическим противником СССР. Некоторые из них вошли в состав Европейского союза.

Членами НАТО и ЕС стали бывшие республики советской Прибалтики, обе составные части Чехословакии, а также ряд бывших республик югославской федерации, покинувших ее в 1991–1992 гг. Причем 5 июня 2017 г. в НАТО вступила страна, которая наряду с Сербией в 1999 г. подверглась бомбардировкам со стороны НАТО, – Черногория, которая тогда входила в состав последнего югославского федеративного государства (с 1992 по 2003 г. называвшегося Союзной Республикой Югославией, *Savezna Republika Jugoslavija / Savezna Republika Jugoslavija*, а с 2003 по 2006 г. – Государственным сообществом Сербии и Черногории, *Državna Zajednica Srbija i Crna Gora / Državna Zajednica Srbija i Crna Gora*).

Столь разительные трансформации необходимо рассматривать как в географическом, общеевропейском, так и в историческом контексте, поскольку без хотя бы краткого анализа исторических предпосылок современной нам югославской, а по сути сербской трагедии невозможно понять суть уже состоявшихся и еще предстоящих дезинтеграционных процессов на пространстве некогда общего югославянского государства.

В начале XX в. после окончания Первой мировой войны в Европе окончательно возобладал принцип создания национальных государств (14 пунктов Вудро Вильсона). Сразу заметим, что этот принцип в тех исторических обстоятельствах касался преимущественно территорий четырех империй Старого Света – Османской, Российской, Австро-Венгерской, Германской, либо сепаратно вышедших из войны (как уже *de facto* распадающаяся в ходе революции Российская), либо потерпевших в ней поражение. На части их земель возникли новые государства, многонациональные (Королевство СХС [сербов, хорватов и словенцев], Чехословакия) или в основном мононациональные (Венгрия, Польша, Финляндия, Эстония, частично Латвия и Литва, где титульные нации в тот период составляли, по различным оценкам, около 70 % населения) (Мананков 2017; Кретинин, Федоров 2012; Мартынов 2005).

В состав Королевства СХС (с января 1929 г. – Королевство Югославия) в 1918 г. вошли к тому времени уже 40 лет как полностью независимые от Османской империи королевства Сербия и Черногория (значительно расширившие свои границы после Балканских войн 1912–1913 гг.), номинально входившая в состав Турции провинция Босния и Герцеговина, аннексированная Австро-Венгрией в 1909 г., территории современных Словении, Хорватии и Воеводины, которые до 1918 г. являлись административными единицами монархии Габсбургов.

Это государство было многонациональным и унитарным. В качестве идеологической основы югославянского проекта в тот период была использована концепция «интегрального югославизма», базировавшаяся на теории «трехименного народа». Суть ее состояла в том, что сербы, хорваты и словенцы (три народа, составившие костяк страны) являются на самом деле одним народом с тремя именами¹. Впоследствии это стало поводом для обвинений, выдвинутых в адрес межвоенных властей Югославии уже со стороны пришедших к власти в стране в 1945 г. коммунистов. Власти Королевства обвинялись в «великосербском шовинизме», в угнетении остальных народов Югославии «великосербской буржуазией» и в использовании их земель в качестве полуколоний внутри страны, – со всеми вытекающими отсюда оргвыводами в рамках классовой борьбы и установления коммунистической власти. Это дало основание сербским критикам югославянской идеи утверждать, что король Александр «растворил» имевшуюся к 1918 г. сербскую государственность в единой стране, что ухудшило положение сербского народа и стоило ему больших потерь, как экономических, так и людских (Никифоров 2012: 86).

После окончания Второй мировой войны и создания СФРЮ в стране полностью сменился политический и экономический строй, а также была предпринята попытка привязать ее административно-территориальное деление к национальному составу населения. Однако территориальные единицы были образованы по историческому

¹ Остроумный анализ отечественной историографии этого вопроса, хотя и без привязки к историческим обстоятельствам написания большинства работ, см.: Силкин 2017.

принципу, но с национальной «тителатурой» и не совпадали с ареалами расселения того или иного народа. Таким образом в республиках появились титульные нации и возникли национальные меньшинства, хотя формально они таковыми не являлись.

Это затронуло в основном сербов в Хорватии и Боснии и Герцеговине (БиГ) и хорватов в БиГ, а также сербов и черногорцев в Косове. Все они считались конституционными народами (то есть народами, создавшими еще первую Югославию в 1918 г.). Албанцы, напротив, при подавляющем численном превосходстве в Косове считались национальным меньшинством как в Сербии, куда номинально входил Автономный край (АК) Косово, так и в целом в Югославии.

Воеводина, еще один автономный край в составе Сербии, считался венгерской автономией. Однако снижение рождаемости и довольно интенсивная в масштабах Воеводины эмиграция венгерской молодежи, помимо выселения венгерского населения по Трианонскому мирному договору и частично после Второй мировой войны, привели к снижению доли венгров здесь с 28,2 % до 13,0 % населения (к 2011 г.)². Особенно активно доля венгров снижалась в 1991–2011 гг., то есть в период югославского кризиса и в течение десятилетия после него. За двадцать лет численность венгерского меньшинства в Воеводине упала на 27 % по сравнению с данными последней общенациональной переписи 1991 г.

Появились также новые титульные нации, которых никогда не было: черногорцы, до 1945 г. считавшиеся сербами (причем отнюдь не в результате проводимой со стороны сербских властей межвоенного периода «ассимиляции» и «сербизации»), и македонцы. В XIX в. считалось, что в Македонии проживают три православных народа – греки, сербы и болгары. Причем влияние Болгарии на местных славян через Болгарский экзархат, учрежденный в 1870 г., преобладало (Карасев, Косик 1997: 12–23). Существование отдельного македонского народа не признавали ни болгарские власти, ни власти Греции. В период нахождения части македонских земель (так называемой Вардарской Македонии) с 1912 г. в составе Королевства Сербии, а затем Королевства СХС и Югославии в меж-

² По другим данным, венгров в Воеводине до Первой мировой войны было 27 %, см.: Györe, Pfeiffer 2017: 104.

военный период здесь продолжался процесс складывания отдельных македонской нации и языка. После войны в первой югославской переписи появился этноним «македонцы». В Пиринском крае (вошедшем в состав Болгарии по результатам Балканских войн) в 1946 г. большая часть населения назвала себя македонцами (Карасев, Косик 1997: 22). После смерти Г. Димитрова позиция болгарских коммунистов по македонскому вопросу сменилась кардинально – на полное отрицание существования здесь македонского национального меньшинства.

Также с 1961 г. в югославских переписях появился термин «мусульмане» в значении национальности. Так в основном стали называть себя боснийские сербы и небольшая часть хорватов, которые когда-то, еще в начале турецкого владычества, приняли ислам.

Отметим, что национальные автономии, подобные советским, имелись в СФРЮ только на территории Социалистической Республики Сербии, поскольку считалось, что раз у конституционного народа имеется своя республика, для него не надо создавать автономий в местах компактного проживания сербов в других республиках. В основном это затрагивало права и положение сербов в Хорватии и Боснии и Герцеговине, что наиболее рельефно выявилося в период югославского кризиса. То же можно сказать и о хорватах в БиГ, где они были компактно расселены в Герцеговине.

Несмотря на декларативно справедливое решение национальных вопросов, погубивших первую Югославию, применяемые при этом коммунистическими властями принципы подвели новые «бикфордовы шнуры» к взрывоопасным взаимоотношениям. Из них главными стали сербо-хорватские и сербо-албанские. Как показали события 1990-х гг., сюда же добавился возвращаемый во второй половине отпущенного СФРЮ историей срока и мусульманский вопрос, продиктованный даже не религиозными или этническими, а скорее социокультурными различиями: в период официального атеизма именно они, а не обусловленные религией и тем более этничностью, обретали решающее значение.

Проведение административно-территориального членения в соответствии в основном с историческими границами областей в те или иные периоды истории балканских государств и европейских империй с целью обеспечения народов Югославии квазинациональной

государственностью сыграло свою крайне негативную роль с началом югославского кризиса 1990-х гг. Эти административные границы в одностороннем порядке провозглашались межгосударственными, не соответствуя ареалам расселения тех или иных народов. В Боснии и Герцеговине это и вовсе привело к полной переконфигурации республики, повлекшей за собой переселение сотен тысяч людей. В Хорватии это привело к изгнанию сербского, а в Косове – к массовому изгнанию практически всего неалбанского населения.

Албанский вопрос оказался одним из «проклятых» вопросов сначала сербской, а затем и югославской истории. Перечислим кратко сформировавшие его предпосылки. Старосербские земли, к началу XX в. в значительной, хотя далеко не в абсолютной степени заселенные албанцами, вошли по результатам Балканских войн в состав Королевства Сербии в 1912–1913 гг., а в 1918 г. – в Королевство СХС. Затем, уже после Второй мировой войны, создание здесь сначала Косовско-Метохийской области, а впоследствии Автономного края Косово привело к тому, что исполнение многовековой мечты сербского народа об освобождении колыбели сербской государственности от османского ига стало могильщиком сербской и югославской государственности вообще. Это подтверждается и теперешним статусом псевдонезависимого Косова, и нынешними границами Республики Сербии.

Автономный край Косово отличал ряд особенностей, которые сводили на нет все усилия сербских и югославских властей по повышению уровня его экономического развития до хотя бы среднего по Югославии. Назовем некоторые из них.

Демографические: преобладание молодежи в структуре населения, преобладание мужского населения над женским, породившее практически стопроцентную фертильность албанской женщины, самый высокий прирост населения не только в Сербии и Югославии, но и в Европе – 2,5 % в год (Вуячич, Заславский 1993: 28)³. Накануне распада СФРЮ в албанской семье в среднем было по 5–6 детей⁴, средний размер домохозяйства насчитывал 6,58 человек, доля жи-

³ Данные переписей населения Косова и Метохии, в том числе и после введения в край контингентов НАТО, см.: Demografske... 2008.

⁴ По другим данным, коэффициент детности составляет 7,8 ребенка на одну женщину, см.: Чосич 2008.

телей 0–9 лет преобладает до сих пор, что дало основание относить население Косова к прогрессивному типу (Бакић 1972: 115)⁵.

Социально-экономические: край был самым слаборазвитым регионом Югославии и на 90 % зависел от сербского и югославского бюджетов (Hasani 1986: 13). В крае имело место перепроизводство специалистов-гуманитариев, особенно так называемых «албанологов», ставших основой политически активной оппозиции Косова, нарастала отложенная безработица среди молодежи посредством постоянно увеличивающегося числа студентов (Куликова, Шрам 1985: 213; Đurđević 1992: 102)⁶.

Культурно-политические: продолжающееся национально-политическое развитие, в том числе на сербские и югославские деньги, окончательное конституирование албанской нации, понимание себя как разделенного в начале XX в. народа (Волков 1993).

Эти особенности Косова привели к выдвижению политических требований, сначала о повышении статуса края до уровня республики (все прекрасно понимали, что реализация этого требования запустит процесс отделения Косова от федерации), а затем и к открытому сепаратизму. Он осуществлялся террористическими методами и путем организованного вооруженного насилия (в 1998 г. была создана так называемая УÇК – Армия освобождения Косова, которая вела бои с полицией и армией Сербии и Югославии). Вооруженная борьба велась нелегальными группами в Косове еще с конца 1970-х гг. и вылилась в восстание 1981 г. Поэтому когда говорят о том, что С. Милошевич лишил косовских албанцев автономии, это в корне неверно. В 1989–1990 гг. полномочия края (равные республиканским по конституции 1974 г.) были приведены в соответствие с его номинальным статусом, то есть автономной единицы в составе союзной республики – Сербии. Дело доходило

⁵ Сербские демографы и экономисты даже говорили, что все попытки выровнять уровень развития Косова до хотя бы сербского и среднеюгославского разбились о плодovitость албанской женщины (Radivojša 2018). Современные демографы фиксируют резкое снижение показателя детности в Косове и Метохии в албанской среде. Так, если в 1990 г. этот показатель был 3,59 ребенка на одну женщину, то сейчас он равен 1,66.

⁶ Среднедушевой доход в Словении (самой экономически развитой) и в Косове (наиболее отсталом регионе Югославии) отличался в 1976 г. в шесть (!) раз.

до того, что СР Сербия на своей «узкой» территории (без автономных краев) не могла принять никакого решения без согласия краевых руководителей и органов власти. Албанцы же требовали, чтобы статус края как автономии был приведен в соответствие с его реальными полномочиями, то есть повышен до статуса союзной республики.

Следует сказать, что одновременно с высокой рождаемостью в албанской среде в Косове из края с середины 1960-х гг. начали уезжать во все возрастающем масштабе сербы и черногорцы, так что к концу 1980-х гг. их доля здесь составила лишь 8 % населения. Причиной в 85 % случаев был не низкий уровень жизни в крае, а обусловленная этническими антисербскими мотивами преступность, на которую краевые власти систематически закрывали глаза. Преступления совершались при этом не только против личности, но и против сербских памятников истории и культуры, православных кладбищ, которыми, как безмолвными свидетельствами этнической принадлежности края, была полна косовская земля, ставшая когда-то колыбелью сербской средневековой государственности (Благојевић 1991).

Иррациональный пласт албанского ирредентизма проявлялся и после оккупации Косова войсками НАТО, когда начиная с 1999 г., после вывода сербских полицейских и югославских армейских частей, а также в ходе погромов 2004 г., при молчаливом согласии «миротворческих» контингентов, многие сербские средневековые и более поздние памятники церковного зодчества были разрушены албанцами до основания, а щебень от разрушенных церквей и средневековых развалин пошел на мощение дорог (Destruction... 2000). Вандалами было не принято во внимание даже то обстоятельство, что наличие средневековых памятников на той или иной территории, вне зависимости от их этнического происхождения, всегда является драйвером развития туризма, и в охваченном безработицей нынешнем Косове (от 40 % до 70 %, по разным данным) было бы хорошим подспорьем экономике Края.

На фоне попыток решения косовской проблемы и урегулирования создавшегося совершенно нетерпимого положения славянского населения в крае ко второй половине 1980-х гг. позитивные ожидания и небывалый подъем оптимизма среди сербского населения вызвали перемены в руководстве Союза коммунистов Сербии (СК

Сербии). На пост лидера Союза в 1987 г. пришел Слободан Милошевич с его риторикой относительно благоприятного решения к этому моменту во всей комплексности вставшего в политической повестке дня сербского вопроса. Символическое значение приобрели два крупных юбилея того периода. В 1987 г. праздновалось 200-летие со дня рождения Вука Караджича – величайшего сербского просветителя, заложившего еще в начале XIX в. основы единого литературного сербскохорватского языка. А в 1989 г. отмечалось 600-летие поражения сербских войск в Косовской битве, что впоследствии развилось в символический комплекс так называемого «Косовского завета». В итоге, как писал Воин Димитриевич, обманутый сербский народ проголосовал на первых многопартийных выборах в 1990 г. за социалистов⁷, думая, что они теперь такие же националисты, как и национальные лидеры других республик СФРЮ, и будут так же отстаивать права сербов в переустраиваемом федеративном государстве. Однако сербов ждало горькое разочарование (Димитриевич 2005: 57–58).

Поиск причин, по которым распад единого многонационального югославского государства происходил столь кровавым и жестоким образом, начался еще в начале югославского кризиса. Рассматривались рациональные и иррациональные составляющие национальных и националистических теорий, анализировалась идеологическая подоплека реальных действий тех или иных политиков, групп, вооруженных формирований как официального, так и нелегального уровня. Подъем национальных концепций как реакция на пошатнувшееся господство казавшейся незыблемой идеологии наблюдался у всех народов Югославии, особенно в период подготовки первых за многие десятилетия многопартийных выборов.

Начало политических изменений конца 1980-х гг. совпало с тяжелейшим экономическим кризисом. К власти в ряде республик пришли откровенно националистические (Хорватия) и сепаратистские (Словения) силы, причем под маской демократических партий. Народы БиГ разделились по национальному признаку в ходе голосования в республиканскую Скупщину, граждане голосовали за свои партии (сербские, хорватские и боснийские), отста-

⁷ Союз коммунистов Сербии, объединившись с Социалистическим союзом трудового народа Сербии, превратился в Социалистическую партию Сербии, СПС.

ивающие каждая собственную позицию относительно будущего для единого государства. В Македонии сформировалась «антиюгославская» настороженность. В Сербии и Черногории у власти остались те же коммунистические силы, трансформировавшиеся в социалистические партии. В Сербии социалисты взяли на вооружение исторические чаяния сербского народа, пообещав ему исправить допущенные их же предшественниками ошибки при определении места самого крупного народа в социалистической федерации. В итоге плохо контролируемое начало либерализации политической жизни стало одной из предпосылок краха политико-экономической системы Югославии и распада страны, несмотря на то что Сербия и Черногория последовательно выступали за сохранение федерации.

Одной из причин негативного развития политической трансформации Югославии в целом и Сербии в частности называют именно обращение к традиционным ценностям и введение их в предвыборную риторику партий и движений в рамках формирующейся во второй половине 1980-х гг. многопартийной системы. Особенно в этом упрекают сербов, чья правящая партия – Союз коммунистов Сербии во главе с Милошевичем – прибегла к так называемой инструментализации всего комплекса сербской национальной традиции, чтобы удержаться у власти перед лицом грядущих политических изменений, и при этом запустила ответную реакцию на «усиление великосербских поползновений» в других республиках Югославии.

Заметим, что при анализе многочисленных теорий, объясняющих распад Югославии, следует учитывать весьма часто содержащиеся в них и обусловленные во многом культурным детерминизмом заблуждения, о чем писал один из ведущих антропологов Сербии нынешнего поколения Слободан Наумович (2005: 83–94). В одной из своих последних монографических работ, посвященной использованию традиции в политической и общественной жизни Сербии и Югославии с конца 1980-х гг. и до начала XXI в., он приходит к парадоксальному выводу: фундаментальный традиционализм и последовательный идеологический консерватизм остаются – при опоре большинства политических акторов на традиционную риторику – маргинальными понятиями в политической и общественной жизни Сербии (Naumović 2009: 10).

С. Наумович описывал процессы, разворачивающиеся в Сербии, как попытки элиты полностью обновить общество и страну,

которая столкнулась со всеобъемлющим кризисом, оцениваемым как неуспешная модернизация, осуществлявшаяся коммунистической партией с 1945 г. «Переформатирование» Сербии в тогда еще единой Югославии происходило посредством нового обращения к традициям сербского народа (историческим, культурным, религиозным, этническим) (Naumović 2009: 44–46).

Развитие данной тенденции привело к тому, что в сфере общественных ценностей возобладал идеал объединения национальной державы, то есть различные варианты националистических идеологий, что сопровождалось мифологизацией национальной истории при все более выраженной традиционалистической, патриархальной и авторитаристской ориентации граждан, обновлением культа юнаков (народных героев) и народного согласия (*Ibid.*: 44–45). Однако с середины 1990-х гг., особенно после подписания Дейтонского соглашения в 1995 г., эта тенденция стала исчезать из общественно-политического дискурса, а крайне правое крыло политического спектра Сербии, несмотря на декларативно ультратрадиционалистскую позицию, так и осталось маргинальным течением (*Ibid.*: 46).

Если ранжировать политический ландшафт Сербии конца 1980-х – начала 1990-х гг. справа налево, то можно было заметить, что использование традиционных символов в политической риторике и программах партий было велико на крайнем правом фланге политического спектра, естественно снижалось к центристским партиям и снова возрастало, когда речь шла о самой влиятельной и правящей партии, находившейся при этом практически в конце левого края того же спектра (*Ibid.*: 80). Причем тренд на определение места той или иной партии согласно своему отношению к народной традиции как целостности сохранился и после так называемой «революции 5 октября», когда С. Милошевич признал свое поражение на президентских выборах в 2000 г. и в стране сменилась эпоха.

С уходом Милошевича конфликт идентичностей по-прежнему формирует общественно-политический климат в стране. Существование «двух Сербий» (Наумович 2005: 104–105; Naumović 2009: 185–291), чье противостояние для краткости уподобим отечественным спорам между западниками и славянофилами, заставляет сербское общество мучительно искать свое место на Балканах и определять пути своего дальнейшего развития в очень непростой и даже

трагичной для национального бытия и самосознания обстановке. Включение в анализ такого параметра, как степень государственно-политической зрелости отдельных югославских народов и время возникновения их государственности, может, на наш взгляд, способствовать более глубокому пониманию причин политического поражения сербского народа в ходе югославского кризиса и распада страны. А также причин отторжения части сербской территории, то есть Косова, причем уже после окончания войн в Словении, Хорватии, Боснии и Герцеговине.

Безусловно, сохранение югославского государства, когда весь народ проживал в единых государственных границах, отвечало сербским национальным интересам. Однако именно сохранение Югославии ставило крест на мечтах Хорватии и Словении о государственной независимости, до которой они «дозрели» в процессе своего национально-политического развития именно в социалистический период благодаря проводимой тогда национальной политике (Волков 1993). Поэтому сепаратистские настроения в них были обусловлены отнюдь не только ростом «сербского национализма» в 1980-е гг., но в существенно большей мере окончательным формированием политических наций в этих республиках. Новые нации опирались на достигнутые к концу этого десятилетия успехи в экономическом развитии и на уже имевшуюся у новых властей Словении и Хорватии внешнеполитическую поддержку их дезинтеграционных устремлений. Кроме того, в других республиках и автономных краях имелись свои национально-государственные традиции, которые также оживились в 1980-е гг. на волне трансформации политической и партийной системы СФРЮ, причем некоторые из них имели более глубокое происхождение, несводимое к простой реакции на «возрождение сербского национализма» к середине того десятилетия.

К слову заметим, что возродив Югославию после окончания Второй мировой войны, новые коммунистические власти спустя 45 лет не смогли ее сохранить. Одной из возможных причин этого можно считать трансформацию отдельных республиканских Союзов коммунистов и тех идеологических основ, на которых они создавались. Особенно ярко это проявлялось в двух западных республиках Югославии. В период активных попыток трансформации югославского социализма, особенно после 1980 г. – года смерти коммунистиче-

ского лидера СФРЮ Йосипа Броз Тито, цементирующее югославское общество коллективное воспоминание о совместной партизанской борьбе как основе создания новой югославской идентичности постепенно уходило в прошлое. Пересмотр самих ментальных и идеологических основ югославского единства совпал с экономическим и политическим кризисом, и золотое время материального благополучия и некоторой безмятежности безвозвратно осталось в прошлом, а потенциал общего народно-хозяйственного комплекса, построенного на так называемом самоуправлении трудовых коллективов, оказался повсеместно и полностью исчерпанным (Антонић 2006: 19–22)⁸.

Национальное государство можно представить естественным производным национальной идеи, сформированным на основе совокупной национальной традиции. Для сербов такой совокупностью, формировавшейся в течение очень длительного времени, стал косовский миф. В нем воплотилась религиозно-культурно-историческая традиция жертвенности, борьбы за свободу Родины, презрение к «земному» и стремление к «небесному» как конечной цели индивида и нации в целом. Он оказал ключевое влияние на формирование современной сербской нации в условиях национального гнета и борьбы за восстановление сербской государственности, начиная с Первого сербского восстания 1804 г., называемого также Сербской революцией (Naumović 2009: 125–129). Часто косовский миф ассоциируется с ядром сербского национализма, поскольку со времени освобождения от турецкого господства сербы реально претендовали на доминирующее положение на Балканах, на статус народа-освободителя и объединителя южнославянских, прежде всего сербских, земель за пределами тогдашней Сербии, видя в этом свою исторически предопределенную миссию.

Новая сербская государственность, формируемая в процессе национального Возрождения, базировалась на традициях времен Неманичей – сербской средневековой династии. Составными частями положенной в ее основу триады являются: 1) сербская пра-

⁸ Дело доходило даже до чисто символической ежемесячной платы за коммунальные услуги с граждан – примерно 4 % дохода семьи из четырех человек, меньше, чем на табачные изделия и алкоголь.

вославная традиция, связанная с наследием св. Саввы из рода Неманичей⁹, первого сербского архиепископа и основателя самостоятельной Сербской православной церкви, воодушевлявшей людей на борьбу за свободу, церкви как хранителя народа, языка и исторической памяти в условиях многовекового инонационального и иноверческого господства; 2) сербская историческая традиция, истинная и мифологизированная, связанная с борьбой за восстановление сербской национальной государственности, в итоге восстановленной в XIX в.; 3) народная крестьянская традиция, основанная на консерватизме, взаимопомощи, авторитетах.

Гипотеза, которую выдвинул С. Наумович, состоит в том, что в конце XX в. в Сербии решающим фактором, повлиявшим на выдвижение традиционализма на роль ведущего духовного начала нации, стала комбинация двух «национализмов». С одной стороны, спонтанного народного, смешанного с традицией сопротивления, что само по себе стало следствием общего кризиса системы самоуправления югославского социализма и положения сербского народа в СФРЮ. И с другой – официального национализма, инкорпорированного в политическую культуру ведущих политических сил и политическое поведение масс (Naumović 2009: 133).

Покойного президента Сербии и Югославии С. Милошевича часто обвиняют в стремлении создать Великую Сербию. Суть этих обвинений такова: сначала «Косово лишают его автономии», затем препятствуют отделению союзных республик в их административных границах. Однако это лишь делает процесс распада страны необратимым. Но и после стремительного признания отделившихся со стороны западных государств весной 1992 г. Сербия Милошевича поддерживает возникшие здесь сербские государственные образования – Республику Сербскую Краину в Хорватии и Республику Сербскую в БиГ. Но все эти обвинения с учетом вышеупомянутых нюансов теряют свои основания. Следует также учесть и то обстоятельство, что поддержка Сербией своих анклавов в Хорватии и Боснии и Герцеговине оказалась весьма непоследовательной, а под давлением международного сообщества (включая и Россию)

⁹ С 1990 г. День памяти св. Саввы (27 января) после большого перерыва стал праздничным нерабочим днем.

была и вовсе прекращена. Вопрос о правах сербов в Хорватии и в БиГ в свете складывающейся на сегодня практики разрешения косовского случая остается открытым.

Анализ политического развития на пространстве бывшей Югославии в связи с развитием и урегулированием югославского кризиса выявил ряд поворотных моментов, могущих изменить как ход югославского кризиса, так и его результаты. Однако нынешнее положение дел на Балканах позволяет говорить не о непредвиденных последствиях непродуманных шагов, а о планомерной реализации долговременной тщательно продуманной стратегии, призванной привести к ожидаемой цели – получению контроля над территорией Югославии как доминирующей страны на Балканах при одновременном максимальном сокращении российского присутствия здесь.

Пристрастное посредничество ЕС, ОБСЕ в 1991–1992 гг. фактически ободряло политическое руководство субъектов СФРЮ, желавших выйти из федерации, поддерживало их стремление идти в избранном направлении до победного конца. Двойные стандарты, дихотомия «национализм-коммунизм», применение информационных технологий с целью «выдать черное за белое» и наоборот, ускоренное международное признание союзных республик в их административных границах – все это в совокупности привело к перерастанию глубокого конституционного кризиса в масштабную гражданскую войну. Урегулирование югославского кризиса в том виде, в котором оно проводилось, выявило ряд особенностей, свидетельствующих о намеренном его затягивании и создании почвы для программируемого его исхода. Выделим лишь некоторые из них:

- навязывание международного посредничества, осуществляемого в интересах одной или некоторых сторон конфликта, что неизбежно ведет к углублению кризиса и его затягиванию;
- скрытое вооружение одной или нескольких сторон конфликта при наличии всеобъемлющих санкций на военное сотрудничество;
- организация провокаций с целью обвинить одну сторону конфликта и легитимизировать внешнее военное вмешательство (первый и второй взрыв на рынке Маркале в Сараево, последовавшие бомбардировки НАТО позиций боснийских сербов в 1994 г., авиационная поддержка самолетов НАТО хорватской и боснийской армий в 1995 г. в ходе уничтожения Республики Сербской Краины

в Хорватии), резко ухудшившая позиции сербской и югославской стороны на переговорах в Дейтоне;

- новый инцидент в Рачаке в январе 1999 г., ставший предлогом для бомбардировок территории СРЮ 24 марта – 10 июня 1999 г.;

- введение международных санкций против стороны, формально не участвующей в конфликте (СРЮ);

- выдвижение ультимативных условий, заведомо неприемлемых для одной из сторон конфликта, без возможности изменить их, ультимативное требование принять их к определенному, обычно очень короткому, сроку;

- использование международной судебной инстанции (МТБЮ, 25 мая 1993 г. – 21 декабря 2017 г.) в качестве средства внешнего давления на страны региона для достижения политических целей внешних игроков.

Итак, югославский кризис, возникший в силу внутренних причин, был урегулирован с помощью внешнего вмешательства. Цели, преследуемые при этом внешними игроками, определили и методы урегулирования. Перечислю лишь некоторые, наиболее очевидные из этих целей, среди которых трудно выявить целеполагание собственно народов разрушенной федерации:

- доступ на рынки и к неконтролируемому использованию ресурсов (природных и людских) на территории бывшей СФРЮ;

- размещение военных баз НАТО для улучшения логистики в регионе Европа – Ближний Восток (в Боснии – бывшая авиабаза ЮНА Тузла арендована на 99 лет, в Косово – база Бондстил, в Македонии – военная база США; в Черногории – контроль структур НАТО над полуостровом Превлака);

- удаление СССР (России) с Балкан на длительный срок, а желательно – навсегда, препятствование продвижению ее экономических (Южный поток) и политических (создание дружественного окружения) интересов;

- присутствие вооруженных сил иных государств и военных блоков для защиты своих интересов на Балканах и в более отдаленных районах;

- утилизация радиоактивных боеприпасов, использованных силами НАТО в ходе бомбардировки СРЮ в 1999 г., с одной сторо-

ны, и проведение долговременного медицинского эксперимента по изучению последствий их применения, – с другой¹⁰;

- обеспечение зависимости стран региона от мировых финансовых институтов для повышения управляемости местных элит и общества.

Уничтожение федеративного многонационального государства, как показывает опыт прошедших десятилетий, коренным образом противоречит целям устойчивого развития как в масштабах Балкан и Центрально-Восточной Европы, так и в глобальных масштабах. Последствия свершившегося исключительно негативные. Место легитимных и полномочных органов власти, способных ответственно решать задачи развития народов бывшей Югославии, сегодня в ряде случаев занимают некие международные органы. В Боснии и Герцеговине это институт верховного представителя (ЕС). В Косове – Миссия ООН по делам временной администрации и сменившая ее миссия ЕС. Эти структуры внешнего управления, как правило, не в состоянии эффективно выполнять свою роль выразителя интересов народов, проживающих на контролируемой ими территории.

Литература

Антонић, С. 2006. *Элита, грађанство и слаба држава. Србија после 2000*. Београд: Службени гласник. 279 с.

Бакић, Р. 1972. Неке упоредне карактеристике становништва САП Косова и САП Војводине према претходним резултатима Пописа становништва 1971. Године. *Гласник Српског Географског друштва*. Свеска LII. Број 1. Београд. С. 105–123.

Благојевић, М. 1991. Српске сеобе СА Косова од краја 60-х године: Друштвени чиниоци. В: *Срби и Албанци у XX веку*. Божић С. (главни и одговорни уредник). Београд: САНУ. С. 423–439.

¹⁰ Последствия этих бомбардировок стали изучаться практически сразу после завершения операции НАТО, поскольку летчики, сидевшие за штурвалами смертоносных самолетов, начали болеть и умирать от онкологических заболеваний. Спустя 20 лет накопился достаточный материал для констатации преступного характера совершенных в 1999 г. действий, результаты которых будут еще очень долго ощущаться всеми ее участниками. В июне 2018 г. в г. Ниш (Сербия) состоялся международный симпозиум, посвященный анализу последствий применения боеприпасов с обедненным ураном в Югославии в 1999 г., в июне 2019 г. – второй симпозиум. Подробнее см.: *The First...* 2018.

Волков, В. К. 1993. Этнократия – непредвиденный феномен посттоталитарного мира. *Полис. Политические исследования* 2: 40–48.

Вуячич В., Заславский В. 1993. СССР и Югославия: причины распада. *Этнографическое обозрение* 1: 22–37. URL: http://journal.iea.ras.ru/archive/1990s/1993/no1/1993_1_022_Vuiachich,%20Zaslavskii.pdf (дата обращения: 28.11.2019).

Димитриевич, В. 2005. Югославский кризис и мировое сообщество. В: Йованович, М. (ред.-сост.), *Сербия о себе*. М.: Европа. С. 39–77. URL: <https://www.academia.edu/12114456/> (дата обращения: 28.11.2019).

Карасев, А. В., Косик, В. И. 1997. Этапы борьбы македонского народа за независимость. В: Гуськова, Е. Ю. (сост.), *Македония: Путь к самостоятельности*. М.: Радуга. С. 10–23.

Кретинин, Г. В., Федоров, Г. М. 2012. Исторические и национальные истоки формирования современного польско-литовского конфликта. *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта* 12: 46–55. URL: <https://journals.kantiana.ru/upload/iblock/061/Кретинин%20Г.%20В.,%20Федоров%20Г.%20М.46-55.pdf> (дата обращения: 28.11.2019).

Куликова, Н. В., Шрам, В. П. 1985. Изменение социально-классовой структуры общества. В: Никифоров, Л. А. и др. (отв. ред.), *Социалистическая федеративная республика Югославия*. М.: Наука. С. 199–216.

Манаков, А. Г. 2017. Динамика национального состава населения Эстонии и Латвии в 1920–30-е гг. *Псковский регионологический журнал* 2(30): С. 74–95. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-natsionalnogo-sostava-naseleniya-estonii-i-latvii-v-1920-30-e-gg> (дата обращения: 28.11.2019).

Мартынов, В. Л. 2005. Прибалтика. История с географией. *География. Первое сентября* 17: 7–11. URL: <https://geo.1sept.ru/article.php?ID=200501703> (дата обращения: 28.11.2019).

Наумович, С. 2005. «Балканские мясники»: Мифы и заблуждения о распаде Югославии. В: Йованович, М. (ред.-сост.), *Сербия о себе*. М.: Европа. С. 79–112. URL: <https://www.academia.edu/12114456/> (дата обращения: 28.11.2019).

Никифоров, К. В. 2012. *Сербия на Балканах. XX век*. М.: Индик. 176 с.

Силкин, А. А. 2017. «Великосербская гегемония» и участь «несербских народов» в Королевстве СХС/Югославия: от документов Коминтерна до современной российской историографии. *Славянский альманах* 1–2: 171–186.

Чоснич, Д. 2008. Косово останется сербским! *ИноСМИ* 18 февраля. URL: <https://inosmi.ru/world/20080218/239693.html> (дата обращения: 28.11.2019).

Demografske promene Kosova u periodu 1948–2006. 2008. Serija 4: Statistika stanovništva. Priština: Zavod za statistiku Kosova. 27 p. URL: <http://ask.rks-gov.net/media/2065/demografske-promene-kosova-u-periodu-1948-2006.pdf> (дата обращения: 28.11.2019).

Destruction of Christian churches and monasteries in Kosovo and Metohija since arrival of NATO. 2000. *Berkeley Kolo of Serbian-American Sisters* March: 7–19. URL: <http://www.sv-luka.org/Kosovo2000Part1.pdf> (дата обращения: 28.11.2019).

Durđevac, V. 1992. La Yougoslavie depuis sa creation jusqu'a la crise actuelle: le role du facteur economique. *Les peuple serbe en Yougoslavie, dans les Balkans et en Europe*. Belgrade: BMG. Pp. 94–103.

Györe, Z., Pfeiffer, A. 2017. Osnovne demografske odlike Ugarske prema popisu stanovništva iz 1910. Godine. *Годишњак Филозофског факултета у Новом Саду*. Књига XLII-2. Pp. 89–116. DOI: <https://doi.org/10.19090/gff.2017.2.89-116>.

Hasani, S. 1986. *Kosovo: Istine i zablude*. Zagreb: Centar za infomacije i publicitet. 358 p.

Naumović, S. 2009. *Upotreba tradicije u političkom i javnom životu Srbije na kraju dvadesetog i početkom dvadeset prvog veka*. Beograd: Institut za filozofiju i društvenu teoriju; IP „Filip Višnjić“ a.d. 334 p. URL: https://www.academia.edu/8207234/Upotreba_tradicije_u_politi%C4%8Dkom_i_javnom_%C5%BEivotu_Srbije_na_kraju_dvadesetog_i_po%C4%8Detkom_dvadeset_prvog_veka (дата обращения: 28.11.2019).

Radivojša, Br. 2018. Stopa rađanja na Kosovu u evropskom proseku, u Albaniji još niža. *Politika* 14.08. URL: <http://www.politika.rs/sr/clanak/409278/Drustvo/Stopa-radanja-na-Kosovu-u-evropskom-proseku-u-Albaniji-jos-niza> (дата обращения: 28.11.2019).

The First International Symposium 'Consequences of the bombing of the FR of Yugoslavia with depleted uranium in 1999', 2018. Nis, Serbia. June 17–19. Niš: Law Office “Aleksić”. 216 pp. URL: <http://www.beoforum.rs/en/comments-belgrade-forum-for-the-world-of-equals/590-the-first-international-symposium-consequences-of-the-bombing-of-the-fr-of-yugoslavia-with-depleted-uranium-in-1999-nisserbia-june-17-19-2018.html> (дата обращения: 28.11.2019).